

Джилл
ШЕЛВИС

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ И СЕКСУАЛЬНЫЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ш42

Серия «Все оттенки желания»

Jill Shalvis
SUPERB AND SEXY

Перевод с английского *В.И. Агаянц*

Серийное оформление *Г.В. Смирновой*

Компьютерный дизайн *О.А. Сапожниковой*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Шелвис, Джилл.

Ш42 Великолепный и сексуальный : [роман] / Джилл Шелвис ; [пер. с англ. В. И. Агаянц]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Все оттенки желания).

ISBN 978-5-17-087999-1

Броуди Уэст, владелец небольшой преуспевающей авиакомпании и пилот высшего класса, чувствовал себя по-настоящему свободным и счастливым лишь за штурвалом самолета. Небо было его единственной слабостью, единственной страстью — пока в компании не появилась новая сотрудница, красавица Мэдди. Всего лишь один поцелуй — и Броуди понял: счастье возможно и на земле.

Однако вскоре Мэдди бесследно исчезает, и Броуди бросается на поиски, подозревая, что любимой грозит опасность. Но он даже не догадывается, насколько все серьезно, — и очень скоро перед ним встанет вопрос, готов ли он рискнуть жизнью ради спасения Мэдди и ее сестры Линн от жестоких преступников...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Jill Shalvis, 2007
© Перевод. В. И. Агаянц, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-087999-1

Глава 1

Мужчина за рулем рычащего «камаро», автомобиля, будто специально созданного для самых отчаянных и крутых парней, затормозил с видом хозяина жизни. Мэдди лучше других знала, что это правда.

Броуди Уэст и впрямь был хозяином жизни, вдобавок он полностью перевернул жизнь самой Мэдди.

«Какого дьявола он здесь забыл?»

Прошло немало времени с тех пор, как Мэдди видела Броуди в последний раз. Шесть недель, два с половиной дня и о-о-очень много минут. Не то чтобы ей взбрело в голову подсчитать.

Честно признаться, Мэдди сама решила расстаться с Броуди и уехала из города, чтобы прийти в себя.

А заодно поразмыслить.

И составить план. План с большой буквы.

Так она и оказалась в горах, где никто не мог нарушить ее покой. Никто, включая Броуди.

Прежде всего Броуди.

Их разговор даже на невинную тему всегда превращался в яростную склоку. Они постоянно препирались по любому поводу, а если не пререкались, то ругались на чем свет стоит — словом, умудрялись всколыхнуть друг в друге все самое худшее. Со дня своего отъезда Мэдди даже не вспоминала о Броуди.

Да нет, черт побери, она все же думала о Броуди, сидя на веранде взятого в аренду бревенчатого домика, который выбрала за грубоватую деревенскую красоту и уединенность («уединенность» — ключевое слово). Хотя вовсе не желала вспоминать о нем. Впрочем, не стоит сейчас паниковать. — скорее всего в машине сидит вовсе не он.

И все же Мэдди не могла ошибиться. Интуиция подсказывала ей: это Броуди. Стоило ей услышать рев мотора, и по спине Мэдди побежали мурашки. Ее пронзила внезапно вспыхнувшая уверенность.

Да, это он. Мэдди кожей ощущала его присутствие...

В душе ее поднялась небывалая буря чувств, и сильнее всего было потрясение.

Броуди здесь, в сорока пяти милях от проторенной дорожки, ведущей от его дома в районе Бербанк-Хиллс к Анджелес Форест.

Но почему? Почему он не сидит у себя в кабинете или в одном из своих самолетов, которые для него дороже всего на свете? Почему не торопится загнать себя в могилу нескончаемой работой? Ведь это его любимое занятие!

Мэдди знала, что и Броуди, и его компаньоны Шейн и Ноа хотят, чтобы она поскорее вышла на работу. Похоже, они вконец отчаялись дождаться ее. Вчера по телефону Шейн признался Мэдди, что с того дня, как она ушла в отпуск, в «Скай Хай эйр» сменилось четыре временных администратора, и Броуди, с его чудесным характером, выгнал всех.

Другими словами, это означало: Броуди ходит хмурый как туча, взвизгивает из-за любого пустяка и выглядит устрашающе.

Да, это на него похоже.

Впрочем, мрачный вид и вспыльчивость Броуди никогда не пугали Мэдди, возможно потому, что ее всегда тянуло к плохим парням, и объяснялось это просто: ни им, ни ей не хотелось иметь никаких обязательств.

Мэдди старалась не связывать себя серьезными отношениями.

Броуди заглушил двигатель своего «камаро», и кругом воцарилась тишина.

Вязкая, давящая, вопрошающая тишина.

Мэдди вдруг почувствовала, как грудь будто сдавило железным обручем. Стало трудно дышать. Дьявольщина! Она сделала медленный вдох и выдохнула, пытаясь успокоиться. Разумеется, это не сработало. Такой способ никогда не помогал. Глупо было сидеть у окна, глядя на Броуди, но Мэдди чертовски устала, а набраться сил так и не успела. Да, да, дурацкая слабость в коленях объяснялась всего лишь усталостью, и Броуди здесь совершенно ни при чем.

Ни при чем.

Он ей даже не нравился, как и она ему...

И все же Мэдди, наклонившись к окну, вытянула шею, чтобы рассмотреть скрытую за двумя высокими соснами фигуру мужчины. Неотразимый, дьявольски привлекательный самец, примерно шесть футов четыре дюйма грубой животной силы. Распрямляя одну за другой длинные ноги, Броуди выбирался из автомобиля, этой «горы мышц» с рычащим мотором.

Сердце Мэдди совершило еще один отчаянный скачок и замерло. Когда она видела Броуди в последний раз, он был одет в форму пилота, и Мэдди совсем потеряла голову. Пусть это было глупо, неправильно, нелепо — так ведут себя одуревшие от

буйства гормонов подростки, — но при мысли о том, как Броуди снимает форму, Мэдди бросило в жар.

Да, приходится признать: проблема становится серьезной. Весь минувший год Мэдди, к своему стыду, была тайно влюблена в Броуди, но свой секрет собиралась унести в могилу. И это еще не все. В последний перед отпуском день на работе полтора месяца назад, все больше свирепея от того, что Броуди упорно не замечает в ней женщину, Мэдди специально оделась броско, чтобы привлечь его внимание: напялила мини-юбку, облегающую кофточку, туфли на высоченных каблуках. Уловка сработала — Броуди так и остолбенел, глядя на Мэдди, что ее очень обрадовало. Он даже пролил кофе себе на рубашку.

Мэдди победила — Броуди явно обратил на нее внимание. Наконец-то увидел в секретарше не только коллегу.

Она так разволновалась, что чуть с ума не сошла: принялась сыпать колкостями, как последняя психопатка, и совсем зарвалась. Это и сыграло роковую роль. Жизнь Мэдди дала сбой, словно на невидимом пульте нажали «паузу», а потом быстро промотали время на полтора месяца вперед.

Захлопнув дверцу «камаро», Броуди уставился на домик Мэдди. Уэст был одет в черные брюки, черную футболку и в потертые высокие ботинки того же цвета. Черный эффектно подчеркивал все достоинства великолепного тела Броуди, которое Мэдди жадно пожирала глазами день за днем, месяц за месяцем, пуская слюнки и делая вид, будто работает.

В отличие от нее Уэст был генетически не способен притворяться. Этот парень редко давал себе труд скрывать свои мысли, в особенности когда дело касалось Мэдди, и когда в тот злополучный день Мэд-

ди прижала его к стене и поцеловала, на лице его отразилось полнейшее недоумение.

В этот счастливый миг Броуди вовсе не казался рассерженным или хмурым, лишь удивленным, взволнованным и... безумно сексуальным. В его сонных глазах с тяжелыми веками читалось желание.

Теперь же все было иначе.

Он стоял во дворе — высокий, уверенный в себе, с хмурой гримасой на лице. Темные волосы, слишком длинные для пилота, в беспорядке падали на лоб. Мэдди знала, что Броуди не заботился о своей внешности и не старался выглядеть стильно, а просто забыл подстричься. Подчас ей казалось, что он забыл бы где-нибудь и голову, не будь та накрепко приделана к шее.

Единственное, о чем Уэст всегда помнил, — это его проклятые самолеты да работа. «Скай Хай эйр» пользовалась репутацией дорогой авиакомпании высшего класса. Просто умора, если принять во внимание, что все трое ее владельцев были молодыми шалопаями, и это еще мягко сказано. Они открыли свое дело год назад, положившись на собственные мозги и интуицию. Объединив идеи и банковские счета, они сумели наскрести достаточно денег, чтобы основать компанию, и умудрились удержать ее на плаву.

А потом случилось чудо. Богатые плейти Лос-Анджелеса открыли для себя «Скай Хай эйр», оценили по достоинству предоставляемые фирмой услуги, и маленькая авиакомпания мгновенно вошла в моду, а ее владельцы смогли наконец вздохнуть с облегчением: солидные запасы таблеток от похмелья, закупленные впрок для будущих клиентов еще на стадии подготовки проекта, начали понемногу таять.

Броуди неожиданно остановился и посмотрел вверх.

Мэдди затаила дыхание. Трудно поверить, что совершеннейшие отморозки бывают столь возмутительно красивыми (ну зачем болвану такая роскошная внешность?), и все же один такой стоял перед ее домиком. Он явился сюда, чтобы разыскать ее.

Зеркальные очки, какие носят пилоты, скрывали глаза Броуди, но Мэдди знала, что глаза эти, свинцово-серые, завораживающие, способны полыхать огнем или обдавать ледяным холодом, в зависимости от его настроения. Вдобавок они были полны тайн, которые ей никогда не удавалось разгадать.

Эти тайны сводили Мэдди с ума. Ей страстно хотелось узнать о Броуди как можно больше, понять причины его поступков, выведать, что ему нравится, а что нет... и неутоленное любопытство бесило ее еще сильнее.

Но все это осталось в прошлом.

Потому что теперь Мэдди уже не могла позволить себе мечтать о Броуди Уэсте. Ей следовало подумать о более насущных вещах, дальнейших планах на жизнь.

Но Броуди не знал об этом, направляясь к ее двери. На шее у него болтались наушники айпода. Наверное, «Линкин Парк»* гремел в полную мощь, оглушая запредельными децибелами. Мэдди всегда изумлялась, как этот парень до сих пор не оглох, но, жадно оглядывая его, словно сахарную вату на палочке, думала совсем о другом. Теперь ее занимал лишь один вопрос: как удержаться и не наброситься на Броуди, оставшись с ним наедине...

«Возьми себя в руки, черт подери!»

* Популярная американская рок-группа, основанная в 1996 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Ребята из «Скай Хай эйр» с самого начала покорили ее сердце, Мэдди не хотелось подводить их. Шейн и Ноа тоже были порядочными раздолбаями, и, получив работу в их компании, Мэдди с радостью поняла, что это место соответствует ее бунтарскому духу. Мэдди полюбила их обоих как старших братьев, которых у нее никогда не было.

Но к погруженному в себя, вечно раздраженному Броуди она испытывала чувства отнюдь не братские.

Ничего похожего.

И все же Мэдди удавалось скрывать свои чувства. Она всегда мастерски справлялась даже с самыми сложными задачами. И всегда ухитрялась сохранять хладнокровие, казаться совершенно равнодушной.

И сейчас Мэдди хотела бы стать бесчувственной, как дерево. О боже, куда девалась ее хваленая невозмутимость?

Не так-то просто оставаться безучастной, когда тебя одолевает желание запустить пальцы в темные шелковистые волосы Броуди, обхватить ладонями его худое, угловатое лицо и облизать каждый дюйм его крепкого мускулистого тела.

Проклятье! Мэдди убедила себя, что переросла это нелепое девчачье увлечение, поборолa страсть, от которой у нее плавилась кости, не говоря уже о мозгах. Стоило Броуди только взглянуть на нее, и Мэдди таяла, растекалась безвольной лужей.

С остальными она могла быть жесткой и холодной.

Но только не с ним.

Эта мысль появилась из ниоткуда, и Мэдди сразу же отогнала ее от себя вместе с горьким осознанием того, что Броуди, в отличие от всех прочих мужчин в ее жизни, ухитрился каким-то дьявольским способом прорвать ее оборонительные заслоны, разру-

шить кирпичную стену, которой она себя окружила, и увидеть за обломками крепости женщину.

Броуди постоял, вскинул голову, скользнул взглядом по окнам домика и, казалось, заглянул Мэдди в глаза.

О боже!

Оцепенев от неожиданности, не в силах пошевелиться, Мэдди на мгновение словно приросла к полу, чувствуя, как по телу прокатывается волна жара.

— Кто это?

Мэдди мигом вскочила. В комнату вошла ее сестра Линн. Она шла на цыпочках, словно боялась, что кто-то за ней следит. Робкими, скованными движениями, выдававшими привычку повиноваться, девушка напоминала затравленного зверька.

Вот дьявольщина!

— Никого, Линн. Все в порядке.

Увидев за окном мужчину, Линн закусил губу и прильнула к плечу Мэдди.

— Господи, — прошептала она, дрожа всем телом.

«Вот именно, — подумала Мэдди. — Господи».

Броуди и у нее вызывал похожее чувство.

— Никем его не назовешь, — заметила Линн.

Это верно. Бросив взгляд за окно, Мэдди ощутила знакомую дрожь. Не то чтобы высокий рост и крепкие мышцы Броуди внушали ей трепет, просто она слишком хорошо помнила, что почувствовала, прижавшись к высокому статному красавцу.

— Не беспокойся. Это мой босс.

Линн медленно выдохнула, изумленно разглядывая Броуди.

— Так ты работаешь на него?

— И еще на двух его компаньонов. Пилотов у нас всего трое.

— И все трое такие, как этот?

Бесполезно было объяснять Линн, что не все мужчины властные придурки, которые пользуются своей силой, давая волю кулакам. В этом ей предстояло убедиться самой.

Ведь в конце концов Мэдди это поняла.

— Ты не должна его впускать, — взмолилась Линн. В ее голосе звучала паника, и Мэдди полностью разделяла чувства сестры.

Девушка понимала, Линн права: его нельзя впускать. Слишком многое поставлено на карту.

Дело не в том, что у них с Броуди осталось много неразрешенных проблем, главным образом ее проблем. Мэдди заботили вопросы поважнее — вопросы, не имевшие отношения к Броуди Уэсту.

По-настоящему серьезные вопросы.

Речь шла о жизни и смерти...

Стоит впустить Броуди в дом, и он, едва взглянув на Мэдди, сразу же почувствует неладное. Погруженный в себя, вспыльчивый как порох, этот человек обладал чутьем пантеры и, подобно хищному зверю, решительно бросался в бой, не ведая страха и сомнений.

В глазах Броуди мир четко разделялся на черное и белое. На добро и зло. Когда что-то ломалось, Броуди стремился это починить. Если кто-то нуждался в его помощи, он, не задумываясь, сворачивал горы, спеша прийти на выручку любому, даже первому встречному.

Мэдди же никак нельзя было назвать первой встречной.

Да, Броуди непременно вызвался бы помочь.

Однако не смог бы.

Никто не смог бы.

Мэдди смерила взглядом высокого красавца, стоявшего внизу. Сердце ее отчаянно колотилось, страстное желание боролось в ней с осторожностью. Ему не следовало появляться здесь. Это могло кончиться плохо для них обоих.

Разумеется, Броуди об этом не догадывался. Он понятия не имел, что Мэдди попала в нешуточный переплет и увязла с головой. За минувший год она успела забыть, что такое глухое отчаяние. Приняв ее на работу, Броуди, сам того не ведая, подарил ей защиту, в которой Мэдди нуждалась больше всего на свете.

Не подозревая о том, что происходит у нее в голове, Броуди направился к дверям небрежной походкой, в которой явственно угадывалось: если бы он даже знал о грозящей опасности, это его не остановило бы.

Мэдди очень любила в нем эту черту.

Испуганно вскрикнув, Линн нервно заломила руки.

Мэдди тоже едва сдерживалась. Ее сердце неистово билось о ребра, готовое выскочить из груди. Жар разливался по телу, заставляя пылать самые укромные местечки. Сердито насупленные брови придавали Броуди лихой вид бесшабашного летчика. Именно таким Мэдди его и знала.

Она вдруг почувствовала, как в душе пробуждается едва уловимое, давно забытое чувство. Ощущение надежды.

Мэдди и не подозревала, что еще способна надеяться. Это казалось абсурдным, невысказанным, и она поспешила подавить ее. Подобные мысли сейчас были неуместны. В этом и заключалась трудность. Помнить. Всегда помнить.

— Мэдди, — едва слышно произнесла Линн.

— Я знаю.

Ради него самого и всех остальных ей нужно было избавиться от Броуди. И как можно скорее.

Глава 2

Броуди постучал в дверь, словно торговый агент, готовый произнести заветную формулу: «Тук-тук, к вам «Эйвон»!», но, сказать по правде, чувствовал себя скорее страшным серым волком, стоящим перед соломенным домиком Мэдди.

А вернее, великим болваном.

Сам не зная почему, рядом с ней Броуди особенно остро сознавал свою неуклюжесть и нескладность. Впрочем, он хорошо знал почему. Мэдди была умной, сногшибательной, яркой, забавной, потрясающей и настолько недостижимой, что он боялся поднять на нее глаза.

Броуди постучал снова. Окинув взглядом стоявший на подъездной дорожке джип Мэдди и соседний автомобиль, он невольно задумался, одна ли девушка в доме и что делает здесь, в горах, так далеко от цивилизации. Утонченная, неизменно элегантная Мэдди Стоун отдавала предпочтение большим городам, искренне недоумевая, как можно жить в жалком захолустье, где нет четырех- или пятизвездочных отелей.

Впрочем, едва ли ей пришлось терпеть неудобства в большом красивом коттедже, из окон которого открывался потрясающий вид на величественные горы и долины, простиравшиеся до самого горизонта, на сколько хватал глаз. Внешний двор — дань уважения эпохе освоения Дикого Запада — вызывал

в памяти «ранчо «Пондероса» из знаменитого сериала «Бонанца»». Выложенная шпалами дорожка с деревянными колесами по обе стороны напоминала декорацию к вестерну.

Однако Мэдди, далекая от мира ковбоев и первых поселенцев, никак не вписывалась в эту обстановку. Так какого черта она делает здесь, вдали от любимой работы? Уж точно приехала сюда не на заработки.

Этого Броуди никак не мог понять.

Стабильная работа, дающая приличные деньги, — что еще нужно человеку? Броуди не требовал от жизни слишком многого. Главное, не думать о хлебе насущном и о крыше над головой — вот, пожалуй, и все.

Ну, разумеется, еще полеты.

В полетах Броуди нуждался не меньше, чем в пище. Сидя за штурвалом самолета, ощущая свое единение с небом, он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Полеты были для него всем — смыслом его жизни, его миром.

Мэдди всегда казалась ему непостижимой загадкой. Эта девушка не нуждалась ни в ком и ни в чем. Возможно, именно поэтому она блистательно справлялась с работой. Мэдди была настоящим чудом природы. Она могла одновременно строчить на компьютере, отвечать на телефонные звонки, составлять расписание полетов, решать административные вопросы и управлять делами «Скай Хай эйр», нисколько не заботясь о том, что о ней думают другие.

Мэдди сводила Броуди с ума. Он уверял себя, что все дело в ее личности и облике. Мэдди походила на супергероя и панк-рокера одновременно. Сегод-

ня она появлялась в образе платиновой блондинки с волосами, уложенными «ежиком», а завтра в ее угольно-черной шевелюре мелькали пурпурные пряди. Заметив пирсинг на теле Мэдди, Броуди провел не одну бессонную ночь, мучительно представляя, какие еще украшения скрыты у нее под одеждой. Она с одинаковой элегантностью носила кожу и шелк. Одна экзотическая обувь Мэдди могла пробудить фантазию, доводя до исступления.

Уэст желал эту женщину, как никого и никогда в жизни. Черт возьми, так страстно он не мечтал даже о самолете, а это говорило о многом.

Мэдди ходила грациозно, словно королева, и это еще больше смущало Броуди, которого обычно тянуло к девушкам, милым и уступчивым, но, что греха таить, немного бесшабашным.

Мэдди нельзя было назвать ни милой, ни уступчивой, и Броуди сильно сомневался, что к ней подошло бы определение «немного бесшабашная». Все в ней, от голубых глаз до кончиков пальцев ног с холеными ноготками, так и кричало: «Смотри, но трогать не смей», — и в ее присутствии Броуди всегда охватывали противоречивые чувства — желание сжать в объятиях и стремление спрятать руки в карманы, чтобы ненароком не дать им воли.

Да, эта женщина зацепила его всерьез. Быть может, тому виной взгляд ее глаз, острый, пронизательный и вместе с тем тревожный. Или заразительная задорная улыбка. Броуди часто ловил себя на том, что улыбается в ответ, хотя и не слышал шутку. А может, все дело в заботе, которой Мэдди окружала всех, с кем соприкасалась: Ноа, Шейна и самого Броуди.

Особенно его.